Дети настороженно смотрят на наследника. Тот похож на притаившегося хищника, а их наставница была аппетитным куском мяса в его глазах. Этот взгляд не нравится Кагами, но спокойная полуулыбка Сумико-сама показывает, что опасности нет. Она даже их проводила до дверей в госпиталь, но уже ставшего привычным поцелуя в щеку они не дождались. Настроение резко испортилось. Младший наследник моментально потерял половину очков привлекательности в глазах детей. Впрочем, он этого даже не заметил, уводя прочь свою добычу, пока ребята понуро скрывались за дверьми госпиталя. Делить наставницу с кем-то оказалось не очень приятно, как и лишаться кусочка тепла.

— Маленькие паршивцы, а ну быстро работать! — придаваться мрачным мыслям им никто позволять не собирался, едва за последней девочкой захлопнулась дверь, как перед ними предстала разгневанная Мичи-сама. Пара неслабых затрещин моментально прилетела чуть замешкавшимся детям. Жалеть слабокровных недоразумений старуха не собиралась. Кагами в очередной раз подавил гнев. Если бы с ними зашла Сумико-сама… но ее увел наследник. Этим можно было сказать все.

Работа в госпитале была однотипной, по крайней мере для них. Отсутствие знаний и малое количество больных, из которых не было ни одного лежачего, автоматически отправляло их на помощь полуслепым старикам на нижнем этаже. Однако они уже не только сортировали принесенные травы, но и помогали в небольшой теплице, где росли самые неприхотливые из ценных растений. Хотя Кагами все равно не нравилось возиться в земле, но выбор был не велик. Он был единственным мужчиной в их бабьем царстве и нес ответственность, так сказала наставница и ребенок не уловил легкой иронии в словах взрослой девушки. Парень действительно постепенно привязывался к остальным, пусть они по-прежнему почти не разговаривали и оставались чужими людьми, но лед начал медленно таять.

Забирались наверх они уже поздно вечером. Уставшие и не очень довольные ужином, который мог бы быть прекрасным, но рис был не доварен, рыба пригорела, а маринованный имбирь был не просто мелко нарезан, но и уксуса на него не пожалели. Дети, разбалованные тем, что Сумико-сама приносит еду сама, просто давились, но нашли в себе силы поблагодарить. Усталость давала о себе знать и затевать споры не хотелось.

Сумико-сама слишком четко дала понять, что любой их проступок отразится на ней. Хуже могло быть только то, что их отберут и дело было не только в том, что троих из пяти учениц сразу же отправят заканчивать обучение в искусстве ублажения мужчин, просто лишаться даруемого наставницей почти материнского тепла они не хотели. Слишком много в их жизни было плохого, чтобы отказываться даже от кусочка тепла.

— Кагами, ложись спать, — к плечу мальчика прикасается тоненькая ладонь. — Я потушу светильник.

— Хорошо, Харука-сан, — мальчик послушно кивает и морщится, хватаясь за шею. Последний подзатыльник наслоился на вылеченную Сумико-сама оплеуху и шея стрельнула болью.

— Больно? — девочка прикусывает губу, а после отходит к своему спальному месту. Пару минут она тихо шуршит, а после возвращается к уже нырнувшему по одеяло мальчику. В ее руках шарф, довольно грубой вязки, зато шерстяной. — Обмотай, должно полегчать, я схожу за обезболивающим отваром.

— Все в порядке, — он смущенно краснеет, не ожидая такой заботы от девочки, с которой почти не общался. Он вообще старался держаться чуть в стороне, пусть и защищал по возможности.

— Слушай старших! Обматывай! — грозный взгляд и гневно упертые в бока кулачки. — Девочки, проследите.

— Хай! — нестройный хор голосов и уже через мгновение Кагами понимает, что деться ему никуда не удастся. Шарф старательно накручивает ему на шею Такара, пока остальные не дают ему отбиваться.

Шерсть колется, раздражает, но возможности отбиться нет, его плотно фиксируют на футоне, тихо хихикая, а вскоре возвращается растрепанная Харука, аккуратно несущая большую фляжку, банку с темно-красным содержимым и кусками крупно нарезанного хлеба в чистой тряпице. В темноте не видно, что там, но гордый вид девочки говорит, что добыча стоит внимания. Впрочем, даже просто хлеб почти не поужинавшим детям был в радость. Голодную слюну сглотнули все.

— Мне это передала неко сэнсэя, — заметив жадные взгляды на мешочек в ее руках, гордо сказала Харука. — Это… ва-ре-нье. Вот.

— Ва-ре-нье? — дети недоуменно переглядываются, пробуя незнакомое слово на вкус и растерянно хлопая глазами.

— Мне сказали, что это сладко, — важно кивает девочка, но Кагами протягивают фляжку. — Но вначале напоим обезболивающим Кагами.

У девочек на лицах расцветают одинаковые улыбки и мальчик с тоской понимает, что отвертеться не получится. Впрочем, надежда все еще живет в его сердце, но она оказывается тщетной. Сопротивляться щекотке и не открывать рот он не смог. Вскоре уже заливисто хохоча соглашаясь выпить все, что предлагают и с радостью присоединяясь к поздней трапезе. Хлеб со сладко-кислым, пахнущим сакурамбо*, пошел на ура. Жаль, что чай Харука не взяла, но его прекрасно заменил обезболивающий отвар. И пусть он отдавал горчинкой, зато им не пришлось никуда ходить, они все остались на одном футоне, уснув ощущая горьковатый вкус трав с легкой кислинкой ягод на губах.

Дети не видели, как из теней выскользнула светло-желтая кошечка, которая с интересом осмотрела небольшую посапывающую куча-малу, а после аккуратно приблизилась к Кагами, ткнувшись носом в шею. Слабое зеленоватое свечение окутало то место, и вот неко уже отходит к стене, подымаясь по ней вверх, чтобы задуть лампадку. Утром она обязательно расскажет и покажет произошедшее Сумико-сама. Та должна порадоваться, ведь именно их сплочения она хотела, но кто же знал, что для этого надо так мало? Всего-то озабоченного самца под боком и мелкой травмы единственного мальчика в компании. Невозможность позвать наставницу сдвинуло происходящее с мертвой точки, невольно сделав детей ближе, сломав небольшую стену, что те сами выстроили между собой.

Комната погружается во мрак, и силуэт со стены пропадает, бесшумно растворяясь в ночи. Дежурство неко еще не закончено, но уже можно чуть расслабиться. Забавные котятки крепко спят и никуда не уйдут, а ей нужно подумать. Сумико-сама не просто так завела разговор об обучении детишек и отправила ее следить. Теперь она должна решить, чего стоят ученики ее спасительницы. Она не должна ошибиться, ведь именно ей придется подменять Сумико-сама в обучении котят ирьедзюцу. Это слишком ответственный шаг.

***

Листики охотно порхают вокруг, щекоча оголенную кожу, а босые ноги приятно холодит вода. Только вот на лицах у стоящих на воде детей нет улыбок, они предельно сосредоточены, по вискам градом катится пот. По два листика, двигать параллельно друг другу, это их предел. Чакра быстро уходит. Ноги перестают держать и дети просто падают в неглубокую запруду, созданную специально для них Сумико-сама, которая сейчас сидит на большом валуне и с улыбкой следит за их потугами. Единственный, кто остается стоять это Кагами. Его резерв значительно превышал остальных, но взлетевшие из-за падения остальных брызги сбили концентрацию, и вот он тоже летит в воду.

— Неплохо, все кроме Кагами, — хлопок в ладоши привлекает внимание детей, которые уже настроились на маленькую войнушку.

— А почему? Кагами продержался дольше всех! — малышка Котоне аккуратно откидывает свои волосы назад. Мокрые пряди слишком тяжелые, и она уже пожалела, что не прислушалась к совету наставницы и не забрала их под небольшую тряпичную шляпку.

— У него и чакры больше, — наставница просто пожимает плечами, легко соскакивая в воду босыми ногами. Сандалии так и остаются на берегу, пока она подходит к ученикам. — Вы потеряли концентрацию из-за закончившейся чакры, когда стали проваливаться, а так держались до последнего. Кагами же отвлекся на брызги воды, — Сумико прикладывает по ладони к груди двух девочек. От них исходит тепло, которое быстро распространяется по телу, внушая обманчивое чувство эйфории. — Не отвлекаемся, — легкие щелчки по носу приводят

выпавших в астрал девочек в норму, а их наставница направляется к следующим ученицам. — Вам стоит быть внимательнее. Это сейчас у вас есть время прийти в себя, но во время боя или операций такой возможности нет. Учитесь брать под контроль свои чувства, да и передаваемую чакру, — очередная пара учениц, после передачи чакры, получает по щелбану, ибо тоже отвлеклись, пусть и пытались сосредоточиться на голосе наставницы. — Помните, жизни соклановцев будут зависеть от вас.

— Даже если совсем этого не хочется? — Харука отводит глаза, она сама от себя не ожидала, что у нее хватит смелости высказаться.

— Хару-чан, — взгляд Сумико был спокоен, где-то в глубине тлело понимание. — Иногда приходится делать то, что мы не хотим, но в данном случае, посмотри на происходящее под другим углом. Каждый, кого ты вылечишь, будет защищать Клан, а значит и тебя. Только благодаря бойцам, которые рискуют жизнью, мы можем жить в этой деревне спокойно, — слова наставницы девочку не слишком убеждают, и Сумико это видит, как и понимает, что боязнь мужчин так просто не вытравить. Ей придется на время отступить и действовать тоньше. — Хару-чан, да и остальные, запомните, — внимательный взгляд проходится по детям. — У пациента нет пола, только жизнь, которую вы должны попытаться сохранить.

— Хай! — слаженные кивки в ответ.

— Прекрасно, тогда продолжим тренировку, — нежная улыбка, которая невольно вызывает у них подозрение. — Вы уже почти месяц учитесь пользоваться чакрой, а другим умениям еще дольше, — Сумико неторопливо идет к полюбившемуся ей валуну и вновь устраивается на нем. — Устроим небольшой экзамен, — в руках девушки появляется флейта. Дети впервые видели ее, но не без оснований считали, что уже стоит опасаться, наученные горьким опытом иллюзий. И нет, в них их не били, не пытали, просто загружали теорией, что даже по прошествии нескольких месяцев давалось им тяжело. Зато Сумико-сама была ими довольна, с улыбкой говоря, что они молодцы. — У вас два часа. Задача собрать целебные травы и после принести ко мне и рассказать, что вы нашли и как их использовать.

— Но, сэнсэй, мы же… — они успевают заметить только очередную улыбку, и девушка подносит флейту к губам. Мозг фиксирует начало мелодии, а после она исчезает. — А?

Пространство изменяется. Они уже находятся не рядом с деревней, Кланом, а посреди густого леса. На спине ощущается тяжесть плетенных корзин, а из оружия только по одному кунаю.

— Где мы? — Такару испуганно хватается за Кагами, растерянно оглядываясь по сторонам.

— Гендзюцу, — мальчик проводит рукой по волосам, приглаживая встрепанные вихры. — Сумико-сэнсэй, решила дать нам практическое задание, а не теорию, лучше его выполнить и не расслабляться! — мальчишка слишком по-взрослому вздыхает, что вызвало бы смех, не будь он в окружении таких же детей, как и сам. — Меня уже брали в одно такое, боль от ран будет настоящей, и они могут остаться даже в реальности! Ведь для нас иллюзия и есть она.

Кагами расстроено поджимает губы. С того момента, как им помогли почувствовать чакру, он старательно учится распознавать иллюзии. Наличие любителей посмеяться в этом неплохо помогает. Те еще не осмеливаются сделать хоть что-то серьезное, но спрятать камень/корень/ветку (смотря где он находится) на пути для них святое дело. Ему приходится быть постоянно настороже. Мальчишке еще везло, что достаточно умелые дети из главной ветви считали ниже своего достоинства издеваться над ним. Более слабые, но достаточно талантливые из младшей, выдающимися навыками похвастаться не могли, пока это выручало. Даже если он не мог увидеть скрытое в иллюзиях, Кагами успевал понять что-то не то по лицам. Держать их они еще не умели, и это позволяло насторожиться, частенько избегая угрозы.

С иллюзиями Сумико-сама это не срабатывало вовсе. Кагами это знал на своей шкуре, когда не сумел сдержаться и почти вступил в драку с дразнящими его мальчишками. На деле, это оказалось гендзюцу (мальчик до сих пор не знал с какого момента он в нем оказался, а Сумико не торопилась освещать этот момент), но синяки были настоящими. Наставница его не пожалела, иллюзорные копии обидчиков пересчитали ему все ребра. Только вот в этот раз он смог дать небольшой отпор, что разозлило их гораздо сильнее. Иллюзия замерла ровно в тот момент, когда вытащенный изначально в шутку кунай чуть не воткнулся ему в глаз. Он даже обиделся и убежал, пусть перед глазами буквально стоял свиток поясняющий основы гендзюцу и их виды. Эта относилась к самостоятельным. Сумико-сама только накинула иллюзию, а ее течение определил он сам. Винить в том, что его едва не убили, он мог только сам себя. Наставница его даже пожалела, вовремя вмешавшись.

Мальчишке было стыдно вспоминать тот момент, ведь он даже не поблагодарил. Если бы не Казуо-сан, который заметил его состояние и не выпытал, что случилось, он так бы и упивался иррациональной обидой. Однако старый (в глазах ребенка, конечно) шиноби обладал удивительным даром убеждения и тяжелой рукой (последнее даже действеннее), пояснил, насколько он плохо поступил. Кагами мог бы поспорить, но память упорно подкидывало картинку застывшего в миллиметре от глаза куная. Он хотел бы сказать, что его обидчики бы на это не пошли, но в глубине души знал ответ. Даже если бы его не ослепили, кунай бы все равно испил крови. Скорее всего его, ведь он был слабее.

Открытые раны куда болезненнее простых синяков. Эту истину он усвоил с первых годов жизни. Наставница уберегла его от необдуманного решения, попытки нарушить свое собственное слово. Казуо-сан не пожалел сил, старательно вбив эту мысль в голову, через другое место. Раз слова он воспринимать сразу отказался. Жаль, что это ничем не поможет ему сейчас. Кагами в очередной раз ощутил, насколько сильна иллюзия, она полностью правдоподобна, и пока он не научится их ломать, придется играть по чужим правилам. И это понимает не только он. Девочки решительно встают рядом, смотря на него с затаенной надеждой, отдавая ему право решать.

Ответственность. Впервые он в полной мере ее ощущает на себе. Кагами отчетливо понимает, что данное им задание имеет множество подводных камней и только от него зависит, как они его выполнят.

Доверие. Еще никогда ему не вверяли чужую жизнь. Сейчас даже немного страшно и быстро забывается, что они в иллюзии, и Сумико-сама не станет их убивать, но это единственное ограничение. Они все понимают, что стоит быть серьезнее, ведь все кроме смерти наставница сможет исправить. В этом они уверены, но это же означает, что тренировка будет максимально реалистичной и в данный момент они одни посреди леса. Леса полного живности, а может быть и вражеских шиноби. Цена ошибки — велика.

Продолжение следует…

Примечания:

* - Вишня (сакурамбо) — один из ранних плодов, который после зимы с удовольствием употребляют японцы.

http://tl.rulate.ru/book/54344/1380977